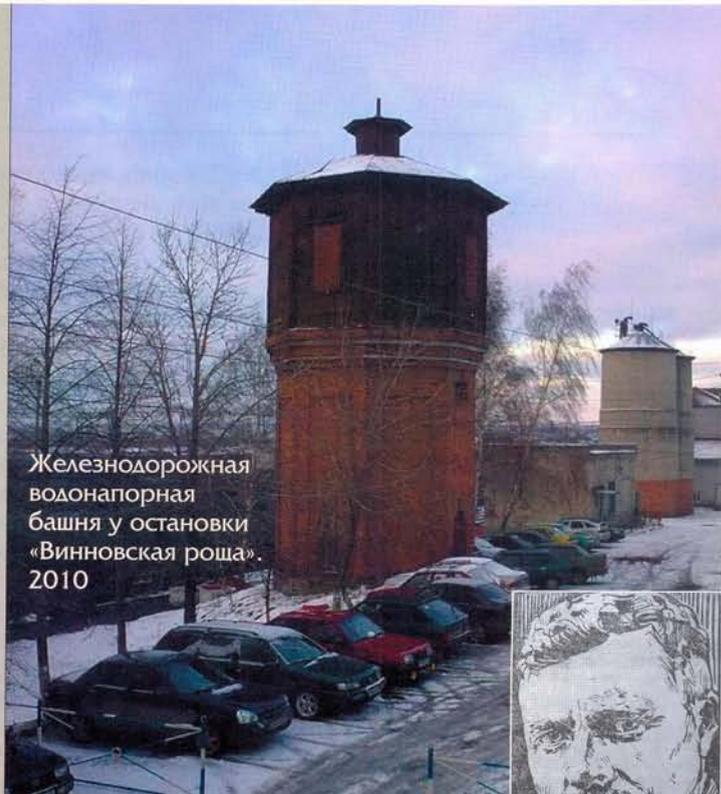

Товарищ Устинов – забытый герой Гражданской войны

Приблизительно четверть века назад произошла переоценка событий Гражданской войны в России (1917–1922). Маятник исторических симпатий качнулся в пользу Белой гвардии – стало модно сочувствовать утончённым и образованным белым офицерам, которых красные «лапотники» выгнали из их уютных родовых имений и лишили возможности «пить кофий с французской булкой». Действительно, красные командиры, как правило, были менее образованы, но они защищали великие идеалы равенства и братства, и, несомненно, заслуживают уважения.

Железнодорожная водонапорная башня у остановки «Винновская роша». 2010

Пётр Устинов – помощник командира полка. Ульяновск, 1927

Фото Дмитрия Семенова

Самым известным в Ульяновской области «красным» героем Гражданской войны стал легендарный комдив Гая Дмитриевич Гай, а все его ближайшие соратники были незаслуженно забыты. Недалеко от центра Ульяновска, на северной окраине

Семья Устиновых: Ефросинья Мартыновна, Николай, Фёдор Сысоевич и Дмитрий. Самара, 1918

бывшей слободы Туть, есть неприметный переулок Устинова, который в настоящее время активно застраивается новыми высотными зданиями. Своё название он получил в 1963 году, в канун 45-летия освобождения Симбирска от белогвардейцев, в честь Петра Устинова – командира 1-го Симбирского полка 1-й Симбирской Железной дивизии.

Пётр Фёдорович Устинов родился 21 декабря 1890 года в с. Мокша Николаевского (Пугачёвского) уезда Самарской губернии в бедной безземельной крестьянской семье: отец – Фёдор Сысоевич, мама – Ефросинья Мартыновна. Кроме Петра, в семье было ещё три сына: Николай, Иван и Дмитрий. Младший – Дмитрий Фёдорович Устинов – впоследствии стал маршалом Советского Союза и министром обороны СССР. Зимой глава семейства занимался извозом в Самаре, а летом вся семья нанималась к помещикам и кулакам на полевые работы. В десять лет Пётр окончил приходскую школу в Самаре, после чего родители отдавали его учеником в различные мастерские. С шестнадцати лет Пётр пошёл работать на Жигулёвский пивоваренный завод, а потом в течение ряда лет работал

в артелях. В 1913 году он поступил на Самарский трубочный завод, который выпускал взрыватели для артиллерийских снарядов, где и познакомился с профессиональными революционерами. В том же году вступил в партию эсеров. Через год за участие в первомайской демонстрации был арестован и три месяца находился в заключении. После освобождения из тюрьмы поступил работать на Иващенский военный завод, где спустя несколько месяцев за призыв к забастовке был снова арестован, но из-под ареста бежал обратно в Самару, где состоял в подпольной эсеровской организации и по постановлению партии должен был принять участие в политработе среди солдат на фронтах Первой мировой войны. С 1915 года в качестве ефрейтора и младшего унтер-офицера участвовал в многочисленных боях, где получил три ранения и был награждён Георгиевским крестом 4-й степени.

В канун Февральской революции 1917 года Пётр Устинов был арестован за революционную агитацию, но падение самодержавия спасло его от царского суда и расправы. Он был освобождён революционными солдатами

и избран товарищем председателя областного комитета войска Донского. В качестве помощника командующего войсками Донской области участвовал в создании отрядов Красной гвардии в Ростове-на-Дону, сражался против калединцев и красновцев. В одном из боёв снова был ранен, потерял сознание и попал в плен к белогвардейцам, был приговорён к расстрелу, но совершил побег. По некоторым сведениям он дважды попадал в плен к красновцам и дважды бежал.

В декабре 1917 года по подложным документам Пётр Устинов прибыл в Самару к семье. Особенно его приезде радовался младший брат Дмитрий, который с восторгом слушал фронтовые рассказы и восхищался недюжинной физической силой и могучим телосложением старшего брата. Не дав себе даже дня передышки, Пётр Устинов отправился на трубочный завод. На заводе его хорошо помнили. Пётр активно включился в революционную работу и вскоре его избрали заместителем председателя Самарского городского исполнительного комитета рабочих и солдатских депутатов. Весной 1918 года, когда над городом нависла угроза наступления мятежного Чехословацкого корпуса, Пётр Устинов вступил в боевую дружину левых эсеров-интернационалистов и был выбран помощником начальника дружины Гая Дмитриевича Гая, которого сам и рекомендовал избрать на эту должность. По воспоминаниям современников, Гая Гай и Пётр Устинов хорошо ладили между собой и отлично дополняли друг друга.

Немного позднее, 10–11 июля 1918 года, левозсеровская дружина и к тому времени возглавлявший её Пётр Устинов были невольно втянуты в знаменитый муравьёвский левозсеровский мятеж. Однако разобравшись в его контрреволюционной направленности, Пётр Устинов и многие дружинники с проклятием порвали свои левозсеровские партийные билеты.

Под давлением превосходящих сил противника дружинники были вынуждены отступить от Самары на правый берег Волги в пределы Симбирской губернии. Здесь в с. Воецкое в ночь на 27 июля 1918 года состоялось историческое совещание начальников дружин и партизанских отрядов, закончившееся решением о создании 1-й Симбирской Железной дивизии. Вероятно, именно Пётр Устинов предложил назвать дивизию Железной. По воспоминаниям его брата Дмитрия, весной 1918 года Пётр

неоднократно вслух перечитывал письмо В.И. Ленина «О голоде» из газеты «Правда». В нём говорилось о том, что для победы над голодом необходима железная революционная власть и как можно больше железных отрядов, сознательно и бесконечно преданных делу революции. При этом слова «железная» и «железных» Пётр произносил с особым нажимом. Командующим дивизией был избран Гая Гай. Пётр Устинов был выбран командиром 2-го батальона 1-го Симбирского полка. Батальон был чрезвычайно «разношёрстным» как в политическом, так и в национальном плане. В него входили два коммунистических отряда, две дружины левых эсеров, один отряд анархистов, один отряд персов, один отряд китайцев и один отряд матросов. Перед наступлением на Симбирск 9 августа 1918 года Пётр Устинов был назначен командиром 1-го Симбирского полка, участвовавшего в освобождении нашего города.

Вот как Пётр описывал события 12 сентября 1918 года. «Мой полк занимал ипподром и северную окраину Киндяковки... Наши цепи находились под губительным артиллерийским и ружейно-пулемётным огнём. При попытке перейти в атаку мы теряли десятки бойцов... Я пополз на левый фланг в поисках наиболее уязвимого места у противника, чтобы ещё раз попробовать перейти в атаку. Незаметно я вышел на берег Свяяги и, не обнаружив перед собой противника, пошёл берегом к выселку Туть. На берегу, у самого выселка, стояла железнодорожная водокачка. Осторожно пробравшись к последней, я влез на крышу погребка и стал разглядывать из-за деревянной вытяжной трубы окраину Тути. Почти у себя в тылу я обнаружил цепи противника. Находясь в окопах, они обстреливали из винтовок и пулемётов нашу дивизию. Правый фланг их не доходил до Свяяги шагов на 200–300. Эта ошибка противника ускорила падение города. Спустившись с крыши, я поспешил к своему. На левом фланге полка я снял роту Евстропова с двумя пулемётами и повёл её в колонне по одному берегом к водокачке. Нам незаметно удалось пройти во двор водокачки и расположить на крыше пулемёты и красноармейцев. Теперь я уже почувствовал своё превосходство над правым флангом противника и стал действовать смелее. Отобрав пятнадцать человек из старших партизан, я почти шёпотом сказал Евстропову: «Мы сейчас проберёмся в выселок Туть, вон до той первой улицы, откуда бросим гранаты,

Пётр Устинов.
1919

а ты после этого глуши белых пулемётным и ружейным огнём». С водокачки мы по одному берегом проскользнули шагов сто и вошли в крайний двор. Потом, перелезая через соседние заборы, вышли на крайнюю улицу... Мы, прикрываясь забором, приготовили гранаты. В это время белогвардейцы заметили роту, расположенную на водокачке, и стали загигать свой фланг. Офицеры нервно жестикулировали, очевидно, торопили своих солдат. Но было уже поздно. Я громко скомандовал с таким расчётом, чтобы слышали белые: «Раз! Два! Три!» Пятнадцать гранат, а за ними следующие пятнадцать, брошенные нами в сторону белых, произвели оглушительный и притом неожиданный для них грохот. В то же мгновение с водокачки затрещали наши пулемёты и винтовки. Белые, не сделав ни одного выстрела, бросились в панике бежать через посёлок к станции Симбирск, бросая снаряжение, патроны и винтовки. Некоторые прятались по дворам и чердакам. Наши поняли, в чём дело, и с криком «ура» перешли в наступление. К 12 часам мы уже пробежали Туть и входили в город...».

Сейчас сложно однозначно сказать, о какой водокачке в воспоминаниях Петра Устинова идёт речь. В районе описываемых боевых действий было две так называемые «водокачки». Одна – железнодорожная водонапорная башня (1917 года постройки) – располагалась в конце современного путепровода через железнодорожные пути в районе трамвайной остановки «Винновская роща». В декабре 2011 года якобы из-за ветхости она была уничтожена. Другая – сохранившаяся до настоящего времени Свяжская насосная станция (1911–1912 годов постройки) – на южной окраине бывшей слободы Туть (ныне входит в комплекс зданий «Музей истории Симбирского водопровода»). Скорее всего, именно эта водокачка и сыграла ключевую роль в том бою.

Дмитрий Устинов всю жизнь очень гордился тем, что его старший брат Пётр «был соавтором телеграммы Ильичу,

отправленной Гаем от имени красных бойцов, освободивших Симбирск. Содержание этой телеграммы широко известно: «Дорогой Владимир Ильич! Взятие Вашего родного города – это ответ на Вашу одну рану, а за вторую – будет Самара!»

После освобождения Симбирска белогвардейцы бежали на левый берег Волги, откуда со второй половины сентября интенсивно обстреливали город. Полк Петра Устинова расположился в Подгорье в районе пристани. Во время одного из артиллерийских обстрелов Пётр был ранен осколком снаряда в ногу, но продолжал руководить боевыми действиями. 1-й Симбирский полк дольше других подразделений дивизии находился в Симбирске и именно ему выпала честь принять от члена Реввоенсовета Восточного фронта Петра Кобозева Почётное Красное знамя ВЦИКа, которым дивизия была награждена за освобождение Симбирска.

После выздоровления в октябре 1918 года Пётр Устинов был назначен командиром 3-й бригады уже переименованной 24-й Железной Самаро-Симбирской дивизии, которой и командовал до февраля 1921 года, участвуя в боях на Восточном фронте против колчаковцев и дутовцев, а также на Западном (Польском) фронте, где участвовал в качестве парламентаря на заключении перемирия.

За ряд умело проведённых боевых операций Пётр Устинов неоднократно представлялся к ордену Красного Знамени, но от получения отказывался. Был награждён Реввоенсоветом 1-й армии серебряным портсигаром, Реввоенсоветом 14-й армии – золотыми часами, неоднократно награждался кожаным обмундированием.

Вот как описывает личные качества Петра один из его соратников: «Коренастая, сильная фигура командира бригады дышит энергией. Нет и тени малодушия, неуверенности или растерянности. Чувствуется, что этот бывший унтер-офицер царской армии на своём месте, что не зря ему доверено 5 тысяч людей. Нравится он мне. А как любят его красноармейцы! Достаточно в критическую минуту появиться т. Устинову, как дело принимает совершенно другой оборот. С ним стрелки идут куда угодно. В решающие минуты боя, когда, казалось бы, всё уже использовано, появляется комбриг с первой попавшейся ему под руки горстью людей – будь то конная разведка, команда связи или просто ординарцы, – и решает дело...».

Восхищала боевых товарищей Петра Устинова и его необычная манера прикуривать: «Подойдёт, бывало, Пётр Фёдорович к залегишему на передовой линии пулемётчику и просит: «Дай-ка прикурить» (спички в то время были дефицитными). Пулемётчик нажимает на гашетку, а Устинов с сигаркой во рту наклоняется к стволу пулемёта и прикуривает от вылетающего оттуда огня. Вот и получалось, что и врагу «дали прикурить», и командир с удовольствием затянулся махорочным дымком...».

В результате реорганизации 24-й Железной Самаро-Симбирской дивизии Пётр Устинов был переведён в штаб Киевского военного округа и назначен в 25-ю Чапаевскую дивизию командиром полка, а потом и командиром бригады. В 1921 году он провёл ряд успешных военных операций на Украине по борьбе с бандитизмом.

В 1922 году Пётр Устинов по личному желанию был командирован на борьбу с басмачами в распоряжение Туркестанского фронта, где стал начальником Самаркандского и Ходжентского боевых участков. В 1923 году ликвидировал крупную банду курбаши Турды-бая. В то же время в Самарканд переехали его родители и братья. Николай служил начальником связи штаба Частей особого назначения (ЧОН), Дмитрий – телефонистом в штабе ЧОН, а с лета 1923 года – красноармейцем 12-го Туркестанского стрелкового полка.

После перенесённого тифа в 1923 году Пётр Устинов был направлен командиром полка в 32-ю Саратовскую стрелковую дивизию. В 1925 году – в Москву в Высшую тактико-стрелковую школу командного состава Рабоче-крестьянской Красной армии им. Коминтерна «Выстрел», которую и окончил в октябре 1926 года с назначением помощником командира 2-го Ульяновского стрелкового полка. Таким образом, Пётр Устинов снова оказался в Ульяновске и посещал Винновский лагерь стрелкового полка, где всё напоминало ему о героических событиях 1918 года.

В 1928 году Пётр Устинов был назначен командиром 48-го стрелкового полка 16-й стрелковой Ульяновской Краснознамённой дивизии имени В.И. Киквидзе (Ленинградский военный округ). С октября 1930 года он – военный руководитель вновь созданного Ленинградского института инженеров связи, в ноябре 1932 года перемещён в особую комиссию по переаттестации начсостава запаса.

Переулоч Устинова. 2013

В конце декабря 1932 года Пётр Устинов был назначен преподавателем тактики Ленинградского военномеханического института. Тогда же в институт перевёлся его младший брат Дмитрий, который двумя годами позже успешно окончил этот вуз и стал самым выдающимся его выпускником.

Дальнейшая судьба Петра Устинова сложилась так же, как и у подавляющего большинства его товарищей-командиров Гражданской войны. В сентябре 1936 года он был репрессирован и исключён из рядов РККА. Ушёл из жизни 2 апреля 1938 года, а 3 мая 1956 года был посмертно реабилитирован.

Трагический финал не позволил Петру Устинову принять участие в Великой Отечественной войне, но его младший брат Дмитрий в годы войны был бессменным наркомом вооружения СССР.

Рядом с Петром Устиновым боевыми дорогами шла его жена, тоже боец Железной дивизии, Полина Александровна Устинова. В 1968 году проживая в Ленинграде, она, персональный пенсионер союзного значения, через «Ульяновскую правду» поздравила жителей Симбирска-Ульяновска с 50-летней годовщиной освобождения города от белогвардейцев.

В Ульяновске частично сохранилась единственная на территории правобережья города железнодорожная водонапорная башня, которая находится на территории ГСК «Высотный-2» (ул. Железнодорожная, д. 146), недалеко от переулоч Устинова. К 100-летию освобождения Симбирска от белогвардейцев в отреставрированной башне можно создать музей Гражданской войны и тем самым сохранить для потомков память о забытом герое – Петре Устинове и трагических событиях русской истории.

Дмитрий Семенов,
методист

по эколого-краеведческому образованию
Центра детского творчества № 6